

Светлана Морозова (Сайгина)

23 шага

Литературный сборник

Архангельск
2010

УДК
ББК

М

Составитель: А.В. Морозов

С. Морозова (Сайгина)

М — 23 шага : литературный сборник. —
Архангельск, ООО «Типография Пресс-
Принт», 2010. — __ с.

Сборник посвящён памяти безвременно
ушедшей от нас Светланы Морозовой (Сайги-
ной). В книге собраны лучшие стихотворения
поэта, написанные ею в 2004–2009 годах.

УДК
ББК

© Морозова С., 2004–2009
© ООО «Типография Пресс-Принт», 2010

ВСТУПЛЕНИЕ

Этот сборник должен был появиться значитель-
но позже: его автор, 23-летняя Светлана Морозова
(в девичестве Сайгина) стеснялась собственных
стихов, и всегда хотела их доработать, довести
до совершенства. В этом была вся Света, — живу-
щая по максимуму, старающаяся помочь без ис-
ключения всем, желающая и в работе и в учебе
и в отношениях с людьми быть исключительно
щедрой, душевно щедрой... Без преувеличения
можно сказать, что таких людей отмечает Гос-
подь... Но, любя этих «светлых ангелов своих», он
зачастую раньше времени призывает их к себе...

Светлана ушла рано — в 23 года. Она совсем
недавно закончила университет, поступила в ас-
пирантуру, устроилась работать научным сотруд-
ником в музей художника и сказочника Степа-
на Писахова, вышла замуж... Впереди ее ждала
Жизнь, — думается, полная чудес и открытий. Но
Светлана прошла по этой жизни всего 23 шага...
С другой стороны, это уже немало... Она многим
стала родной и близкой, в ее добром и беззащит-
ном перед этим по-блоковски «страшным миром»
сердцем хватало, тем не менее, места для всех —
родных, близких и даже просто случайных лю-
дей. Светлана Морозова принесла в этот мир
Чудо, и ушла, оставив нам его в виде вот этого
небольшого сборника... 23 шага — 23 стихотворе-
ния — 23 момента жизни...

СЛОВО О ПОЭТЕ

Если бы я не знала Светлану, не поверила бы, что такие, как она, бывают в наше время, что в поколении, формировавшемся в девяностые годы XX века, возможно появление девушки такой безупречной душевной красоты, чистоты и ясности, одарённой такой способностью любить жизнь и людей. Да и в любом поколении такие люди — редкость.

Её одухотворённость выделяла её из сотен и сотен сверстников, хотя Светлана и не делала ничего, чтобы выделиться. Скорее, наоборот: скромность и душевная деликатность не позволяли ей прилагать какие-то усилия, чтобы привлечь к себе внимание. Да ей это и не было нужно. Свет, который она излучала, притягивал к ней сердца.

За неё было страшно: казалось, что она слишком нежна и хрупка, слишком беззащитна и ранима для жизни по жёстким и часто жестоким законам современного мира.

Но Светлана вовсе не была слабой, потому что фаворский свет, озаривший для неё мир, разогнал всех чудовищ, победил все страхи и саму смерть, и она видела этот свет, прикоснулась душой к чуду Преображения.

Она прочитала «Август» Бориса Пастернака и сказала о нём так, словно он был написан для неё: ни у кого я не встречала такого глубокого

проникновения в поэтический мир этого стихотворения. И прощальные строки Пастернака звучат во мне — и теперь так будет до конца моей жизни — голосом Светланы:

Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство.

Елена Галимова, профессор Поморского государственного университета, председатель Архангельской региональной организации Союза писателей России

Осени

Непривычно холодно.
И ладно.
Летний цвет
Тускнеет от дождя.
Стерлась ночь,
Забытая в Отрадном.
И душе
Осталось только ждать.

Осень, сядем!
На твоих ладонях -
Старческие линии пути.
Ты устала? От такой погони
Даже самым сильным не уйти...

...
Лишь один
Остался в колыбели
Матери:
Оранжевый насквозь,
Тихо плачет...
Осень, о тебе ли? -
Как печальна тайна детских слез! -
Иль о том,
Что на полотнах жизни -
Только карандашная труха...
Выцветают люди,
Чувства, мысли,
Листья осени... И облака.

* * *

Связь времен и общность судеб,
Завернувшись в переплет,
О других по строчкам судят,
Разделяя их полет,
Их мятущуюся нежность
И грустящую любовь.
В колдовстве дождинок брезжит
Новый день. И свой покров
Отдает он безрассудству
Расшумевшихся страниц,
На которых разминулся
С Золушкой прекрасный принц;
Где звучат аккорды страсти
Пробудившихся цветов
И клинок стальной опасен
Столь наивных светлых снов:
Там минута ожиданья
Может стать причиной тьмы,
Там обеты и признанья,
Волшебство и колдуны...
На страницах нашей жизни
Бесконечный маскарад..
Как узнать, не раздвоиться,
Не надеть чужой наряд?...
Вечный праздник, вечный сговор
Разминувшихся времен...
Если к этому готова,
Отправляйся! В светлый сон

Поезд вечером отходит,
Прибывая поутру.
Номера вагонов — годы.
Есть места в любом году!
На странице двадцать пятой
Оставляю свой билет
Для тебя. И лучшей платой
Станет твой душевный свет!

* * *

Так было много лет спустя...
Мой город распустился с краю
И, каждой ниточкой грустя,
Он робко прививался к маю.
Я не умела вышивать.
Но этой вечной бахромою
Хотелось всю себя уткать
И стать в конце самой собою.
Узор запретный, неживой,
Какой-то выжженный и скверный
Непреходимой стал конвой
Моей заезженной поэмы.
Все начиналось вопреки,
А воплотилось только ради...
Души измученной изгиб
В иллюминации усадеб,
В иллюминации дождей
И романтических пейзажей —
Всего лишь точка. Только штрих
На измалеванной бумажке.
И нечем дальше рисовать.
Я посвящаю тебя смерти,
Мой стих, уставший сочинять...
Мой город в похоронной ленте...
Но, может быть, ее прижечь,
И ты не будешь дальше виться,
Мой город, потерявший речь,
Мой безнаказанный убийца...

* * *

Где река примирения стынет,
Где в цепях одиночества лом,
Где кровавые кисти малины
Ухватились за сброшенный склон
Мироздания, в жутких потемках,
Где бесстыжие искры рябин,
Ухмыляясь, — в бездонные стекла;
Где без лестниц, без сна, без перил
Каждый дом, и в любом закоулке
Серолобые ждут сторожа...
В этом городе, тусклом и гулком,
Меж ладоней зажата душа.

Бабушке

Ты будешь жить, как я,
В потрепанной квартирке,
Варить себе омлет
И внукам раздавать.
Совсем не будешь спать,
(Все думая о стирке)
В комод засунешь Рильке...
Но только по ночам
Тихонечко вздыхать
О том, что все болит,
Ремонт давно не сделан,
И сыплется песок
У будничной печи...
И не летят грачи...
И сердце онемело,
И стертая душа
От жизни не кричит...
Но в теплую кровать
Улечься все ж приятно,
Когда любимый внук,
Уставший воевать,
Придет и поцелует
И выцветшие пятна
Заставит на щеках
Румянцем танцевать.
Немного отдохнешь
От бурного потока
И, тихо прошептав

В окошко «Отче наш»,
Спокойно ночь поспать
Попросишь ты у Бога.
И детской люлочкой
Покажется кровать:
Ты так мала!
Совсем еще ребенок,
Хоть бабушка уже
И ходишь кое-как...
А вобщем-то, пустяк...
И все пережитое,
Когда лежишь в земле,
Наверное, пустяк...
Мы учимся ходить,
Читать, молиться, думать...
Но главное для всех —
Учиться умирать.
И хочется кровать,
Так же, как внука губы,
Не плача, не стыдясь,
С улыбкой целовать.

«Мне хлеба подавшие, кто вы?»

Мамочке

Она замесила в дышащее тесто
Осеннее небо,
Уставшую местность,
Разрушенный погреб
И сломанный сон,
В котором привиделся
Новый фасон
Халата для веры,
Домашнего рая...
Он что-то хотел ей сказать,
Умирая,
Но слов не нашел.
Лишь просительный взгляд
Оставил в душе у могильных оград...
Каких, уж не помню,
Да и не хочу...
Увы, не под силу
И не по плечу
Холму отдышаться,
Где он похоронен...
Две мелких слезинки
Случайно уронит
И радугу детского
Счастья вольет:
Она замечательный вкус придает!
Смягчает морщинки

На корочке жизни,
Которые будут
И ныне, и присно
Тянуться к ладоням,
Тянуться к мечтам,
Как тянется тесто;
Как строится храм,
Так тесто окрепнет
В негнущихся пальцах,
Их сном облепив,
Будет переливаться,
Начнет раздражаться,
Но скоро поймет,
Что тесто устало,
Но тесто живет.
И в этом слиянии
С белым составом
Живет моя бедная,
Добрая мама.
Живет по-житейски,
Печет пирожки...
И каждая крошка,
И каждый изгиб
Волшебной руки
И задумчивой сдобы
В душе отзывается
Словом.

Над фотографией дедушки

Смотрел на меня задумчиво.
«Тихо кругом», — говорил.
И обвивало тянучее «мир..мир..мир».

Внешне казался простеньким,
Маленьким старичком.
Не повезло ему с ростиком,
Так выходил бочком!

Что-то кряхтел, покуривал,
Страхивал пепел вниз.
«Небо какое бурое!
Ишь, затянуло...» Из
Памяти что-то выпало
И покатилося вдаль.
«Дай подберу, милая...
Ты погоди...Дай...»
Не подобрал. Подняли
И унесли на склад.
Тихо побрел по полю,
На стариковский лад
Песню тянул. Травами
Поле плело мотив.
«Песня моя складная ль?», —
Просил одобренья ив.
Ивы, склоняясь, слушали.
Кто-то из них кивал.
Песня была — лучшая,

В песне им был привал.
Шел старичок вразвалочку,
Словно и не старел.
Только смешная палочка
Лет выдавала крен.
Пел, а она постукивать
Вслед принималась вдруг.
Шли и стучали...Скупы мы
На стариковский стук.

«Не отворишь мне, милая?»
Нет, уже не отворю.
Рамка в пыли затихла.
Но... с кем-то все говорю.

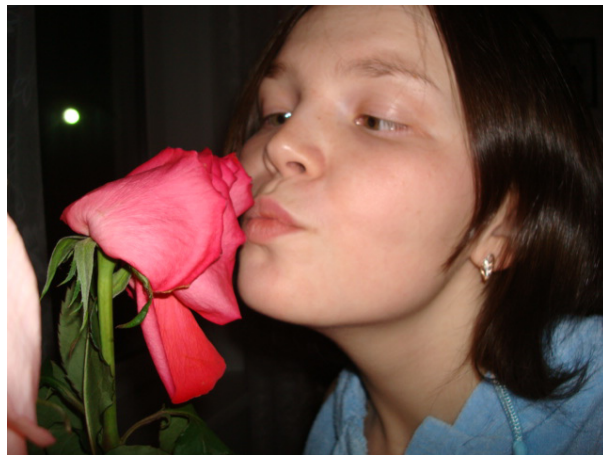
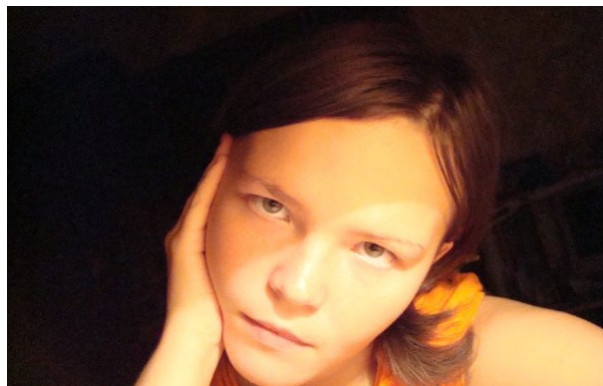
* * *

Смерть — только повод для жизни.
Беспроводное начало
Данных судьбой эвфемизмов
Память во сне укачала.
Не вспоминай их, не надо:
Проще, и чище, и выше.
Жизнь — это только преграда
Лучику, бьющему в крыши.
В смерть открывая окошко,
Память себя вспоминает:
Там золотая дорожка
для заблудившейся стаи...

* * *

Оленьке К.

Почему-то не спится маленькой...
Две реснички на теплой щеке.
Прислонившись к диванному валику,
Что-то ищет на потолке.
И глазами икону трогает,
Обжигаясь о золото сна
Нехорошего.
Долго ты,
долго ты...
Не была, как теперь, ясна.
Твои лики за маску прятались.
Пыль стереть не хватало сил.
И сердец раздвоенных маятник
Своим путаным ходом бесил.
По глазам, по мечтам постукивал,
Выбивал золотую дробь...
От любви к тебе (не от скуки ли?..)
На щеке высекал любовь.
Обжигал скороспелым пламенем,
Запечатал своим клеймом...
А теперь ты вдруг стала маленькой
Хлебной крошечкой под столом.
И реснички твои опавшие
Упокоит иконный свет.
Ты сегодня намного старше,
Чем в свои девятнадцать лет.

* * *

Девушка, замерзнете вы все же...
Жизнь пройдет по краешку стены,
И такой же запоздалый дождик
Будет пальчиком к себе манить...
Вы поверите ему, чужая дама,
Взявши под руку, отправитесь гулять.
Проводник Ваш, старый и упрямый,
Будет шаркать, кашлять и чихать.
Доведет Вас сонным переулком
До рутины, вписанной в забор,
И устанет, отдаваясь гулко
В тазике, поставленном под сток.
И не ждите. Не жалейте. Жести
Вся эта усталость ни по чем.
Жаль, что вы замерзнете с ним вместе
Под осенним проливным дождем.

* * *

В крошечном домике пластилиновом
Бедная кроха жила.
Краски крошила,
По кринолину тужилась вышивать.
Крестики-нолики,
Гладью в оконце,
Красками на ветру...
Бедная кроха в разбитом солнце
Высушила иглу
И уколола себя за палец.
Кажется, вот пустяк!
Только в усохшей крохе останется
Давний солярный знак.
И пластилиновый дом
Обрушится, ткани
Сойдут на нет.
Кроха к иконе Скоропослушницы —
Там тот же яркий свет.
Плачет несчастная
Мелкими крошками,
Благо что не мукой...
Пусть это будет все понарошку!
Солнце, вернись домой!
Солнце послушалось,
Иглы остыли, споро пошли труды...
Но в пластилиновом домике — ты ли?

Крестиком-ноликом ты....

* * *

По мотивам Н.В. Гоголя

В твоём беспробудном разврате
Скрывается страшная сила.
Запачкана белая скатерть
Пролитым случайно бензином.
И как оказалась канистра
В руках удивительно ловких,
Которые душу носили
И гладили по головке?!...
В столовую, не в мастерскую
Внесли эту новую утварь.
Я слишком по телу тоскую.
Поэтому тесно. И трудно
Поэтому жить без бензина.
Вливать его без остановки,
Чтоб новая электросила,
Путь вечности сделал коротким,
Заглохла..., сдалась без остатка.
Бокал недопитого пунша.
Я пенистой стану и сладкой,
Как всласть иссушенная суша.
«Бензин передать контролеру,
Который придет нас проверить».
Как будто бы текст для суфлера
Мой снова занявшийся трепет.
Но кто мне диктует по строчкам?
На кой эта гонка и спешка?!..

Все книги разорваны в клочья...
Но, может быть, это насмешка?
И мы не горим, мы не рвемся...
Мы просто стихийные люди...
Профессор из города Тромсё,
Статья о заблудшем верблюде...
Поджечь не решился. Поверил,
Что проще все и бесполезней.
Я скатерть повешу на двери,
Как образ пришедшей болезни,
И буду сушить ее взглядом
И дрожью судьбы, заключенной
В измену.
И выпавшей прядью,
Как нимбом позолоченным,
Украшу...Осталось дожидаться,
Когда подожжет ее кто-то.
У каждого постояльца
Я буду выпрашивать фото...
И ощупью спички...
Там было две целых
И две подгоревших.
Катился на старенькой бричке
Унылый,
Такой постаревший.
Уже не смеялся, не плакал.
Молчал и заламывал руки.
И ногти, покрытые лаком,
И стрелкой заплывшие брюки —
Все мимо. Все просто нелепость.

Ему и горячее — вряд ли...
И дверь, потерявшая смелость,
И две поседевшие прядки...
Уже не горят, не помогут
Прожженные жизнью составы.
А скатерть... Не лучше ли новой
Покрыть пожилые суставы?
Уже насовсем. Белый сумрак.
Ни страсти, ни боли, ни жеста.
В бензиновую посуду
Тебя уложили, к невесте.
Так спи... И сгореть не пытайся.
Вы оба однажды сгорите,
Вращением вечного вальса
Зажженные. Старится Питер.
Но ты также страстен. За сорок
Ворот перешедший привратник,
С душою насквозь иссушенной
Он больше не чувствует пятен.
Так спи... Пусть душа твоя бредит
Хоть болью белесого солнца.
Ты просто устал, просто беден...
Но к вечности бричка плетется.

* * *

Несолёный борщ.
В пакетик
завернули хлеб,
как в баню
на полоч.
Итог —
Календул и гвоздик букет.
Стираю
эпилог.
И — ток
По коже.
Слишком жарко.
Покрывало.
Стынет чай.
Печаль
не может
рассолиться.
Облепляет
по кристаллу
валом
стай,
бездомных,
из которых
варят соль.
Косой
полоской
по кастрюле.
Сдобных строй

буханок
по карнизу —
как на казнь.
Невозможно есть.
С лендлизом
не пропасть.
Глухо
в пропасть
поварешкой.
И до дна.
Соли нет
Осталась
только
крошка
сна.

* * *

По ночам здесь прямо пахнет хлебом.
Сон мучной невидимо стекает
В окна улицы, открытые до неба,
И румянится, и аппетитно тает.
Не достать до удаленной сдобы:
Ухмыляется в избытке пара!
Этой избалованной особе
Городская оторопь — не пара.
На нее любитесь соседка,
Досыта заплывшая девица.
В испарении бульварной сетки
Отражает прожитые лица
Белизна июньской белой ночи,
Только что запекшейся в закате.
Корочка хрустящая короче,
Чем пространство города. Не хватит
булки сна на нищих и бездомных.
Им остался запах утешений.
Корочка июньского восторга
И изюм отчаяний душевных.

* * *

Он ласково прищурился. Улыбка,
Застенчиво прикрыв словесный пыл,
Заслонкой растянулась до затылка.
А он поддался, не остановил.
И жар печной нахлынувшим потоком
Стекал по капелькам и по вискам.
Он улыбался раскаленным строкам
И головешки черные ласкал.

* * *

Не дописала и не создалась
В том, что не совесть
И не усталость...
А раздражение —
Вязким составом.
Пренебрежение
Сдавित.
И отдается на грани стакана
Голос не пьяницы
и грубияна....
Иглы прощания
колют. За шкирку
Выбросить
В стирку.
То, что в кармане осталась записка, —
Повод задумчивость вылить
без риска
Быть расшифрованным
Наоборот.
В заднем кармане
Код.
Тушью, чернилами — в синь раздраженья.
Слиты границы и клетки.
Как звенья
Исполосованных судеб.
В цветочек —
Ядом замшелых
строчек.

* * *

Мои заплывшие глаза
Не узнают тебя сегодня.
И слов усталых бирюза
Покрыла пылью подоконник.
И невозможно различить
Под слоем многодневной грязи,
Какой наигранный изгиб
Ворочался в тяжелой фразе,
Мне в душу заложившей вход...
Мои глаза отяжелели.
Твоя жена. А ты — мой Лот.
Я каменю, каменю...

* * *

Мы все разминемся когда-то
На перекрестке трех дорог.
Высоким будет звук утраты,
Открытым, как в молитве Бог.
Но эту прожитую эру
Не пережить за просто так.
И есть ли смысл нажать отмену,
Когда безумие в руках?
Живаго должен был начаться,
Чтобы сознание потрясти.
Нам остается удивляться:
Нас бросили на полпути...

* * *

«Как хороши, как свежи были розы
В моем саду, как взор пленяли мой...»,
«Но час настал», и «значит, так и надо».
«Суровым словом вызванные к жизни,
Ворчали и ворочались века»,
Но все это давным-давно не ново:
Тебе всего лишь счастье прорекла
Моя случайно брошенная фраза.
И началось «световершение строф»
Без подготовки, до предела, сразу.
Твой мир стал дивен и безумно нов.
Возможно, боль «летающих отголосков»
Еще жива, и снится по ночам,
Как искренне страдающим подросткам,
Таким обычным, повзрослевшим нам.
Возможно, зря внимательностью мысли
Мы отравляем прошлого разбег
И ждем, когда в невинности прокиснет
Такой испорченный и столь любимый век.

* * *

Я не готова быть сестрой, быть светлой:
Меня качает ветер чуждых стран.
И я не к жизни ближе, ближе к смерти.
А сила разума — всего самообман.
Рационально исповедь приемлю,
Но слушать сердцем больше не могу.
Прости меня за то, что я отвергну,
Прости за то, что все же сберегу.
Летающих слов не остановишь стаю,
И надо жить в предчувствии зимы,
Когда птенцы, что с юга прилетали,
Откроют север — землю сатаны.
И мерзнут перья непривыкших к стуже.
Душа кричит от холода и льда...
Такой конец им все-таки был нужен,
Чтобы понять: гора Сион крута...
Там на вершине белый стог тумана,
Там непрерывность колющей зимы,
Там все подобия и все оригиналы,
Которые нам виделись из тьмы...
Давай взлетим над вечною горою!
Ты полети, а я лечу вослед!
Но в зазеркалье тесно быть собою...
Там только тень, бескрылие и бред.

* * *

Начинается новая эра.
Я теряю опору в часах.
Покаянье и боль —
Без предела.
И любовь в золотых волосах
Магдалины, распятой за веру
Вместе с Господом,
Только не в такт.
Наша гамма достигла предела:
Начинается брошенный акт
С полуслова и с полунамека,
На минуточку прерванный шум.
Я уже не играю в пророка,
Я поверила: счастье ношу.
На плечах, и в груди, и под грудью —
Бесконечное чудо любви!
Проникаясь Божественной сутью,
По мгновениям счастье бери...

* * *

В стакане сока
Свежий концентрат
Из заклинаний
Золотой аллеи.
Оранжевость —
Взята им напрокат,
Пока живое
Мутность не согреет.
Когда душа,
Цветущая лишь днем,
Преодолеет полугрань стакана
Мы в совершенном цвете
Заживем,
А не в живом,
Растаявшем так рано...

* * *

Он в ладошке спрятал луну:
Белый камешек водных далей.
Лепестками... Всплеск. Отниму.
Белый след от пустых сандалий
Не расскажет мне ни о чем:
Вот напрасные отговорки! —
Словно маленький паучок
По ладошке. И спутал строки.
Паутинкой не те связал
Расстояния и растенья.
Засыпает пустой вокзал
Водной лилией.
Стены. Тени.
И на пыльном полу — слюда:
Это лилии облетели.
Он тихонько забрел сюда,
Всей луной прижимаясь к телу
Новой жизни, пустых дорог.
И бесплотных влечений лепет —
Только лунного света сток.
Так задумчивость стены лепят.
Он пришел сюда помолчать:
Не вокзал и не тихий берег,
Но летящей души причал
Этот камушек, эти двери.

Составитель сборника выражает благодарность
людям, благодаря которым эта книга вышла
в свет: Галине Морозовой и Ивану Кулиде

Светлана Морозова (Сайгина)

23 шага

Литературный сборник